

— Я хочу, чтобы она пресмыкалась перед тобой как побитая собака.

Цинь Хайяо слишком хорошо знала Жуань Ихань. Заставить столь гордую девушку молить о пощаде — всё равно что лишить её жизни.

Жуань Ихань безмолвно созерцала неподвижное тело бабушки, распростёртое на полу. Жива ли она? Всё внутри сковал леденящий ужас, разум опустел, словно из груди вырвали душу.

Бабушка... Бабулечка...

Ихань лишилась родителей в глубоком детстве, и бабушка осталась её единственной опорой, единственным близким человеком на всём белом свете. Все эти годы Ихань порой ворчала на её занудные наставления, придиралась к мелочам, но они обе знали: они — всё, что у них есть.

Заметив слёзы в глазах Ихань, Цинь Цинь мазнула по ней холодным взглядом и бросила Дуаньцзы:

— Отпусти её.

По команде громилы разжали хватку.

С вывихнутой челюстью Ихань не могла произнести ни звука. Она лишь бросилась к бабушке, упала на колени и бережно прижала её голову к своей груди. Слёзы градом катились по лицу. Дрожащими, непослушными пальцами она коснулась губ старушки.

Дышит... Слава богу, она дышит!

Ихань резко вскинула голову, умоляюще уставившись на Цинь Хайяо.

Лишь бы спасти бабушку. Я сделаю всё что угодно, всё...

— Нет!

А-Ли, сообразив, на что готова пойти госпожа, рванулась изо всех сил. Вырвавшись из рук державших её мужчин, она бросилась к ногам Цинь Цинь:

— Умоляю вас, госпожа Цинь! Заклинаю! Пощадите барышню, пощадите старую госпожу!..

Она неистово билась лбом о холодный пол. Каждое её движение сквозило таким отчаянием, что на плитку быстро накапали тёмные багровые ручейки. Даже бывалые охранники Семьи Цинь невольно отвели глаза.

Но на лице Цинь Цинь отразилось лишь брезгливое презрение:

— Ты ещё что за дрянь?!

Она бросила короткий взгляд на Дуаньцзы. Тот без лишних слов шагнул вперёд и наотмашь ударил А-Ли по затылку. Девушка даже не успела вскрикнуть и кулем рухнула на пол, потеряв сознание.

Цинь Хайяо едва заметно вздрогнула.

Цинь Цинь посмотрела дочери прямо в глаза и тихо, с явной угрозой в голосе, процедила:

— Я убью её, если понадобится.

Хайяо медленно опустила голову.

«Умоляй её как собака».

С глухим стуком Жуань Ихань рухнула на колени. Уткнувшись лбом в пол и вытянув перед собой руки, она распласталась перед Цинь Хайяо в безмолвной, унижительной мольбе.

Этого достаточно? Теперь вы довольны?!

А ведь когда-то... когда-то Ихань тоже умоляла её, если умудрялась ненароком обидеть. Сяо Хай казалась слабой и нежной, но если уж сердилась по-настоящему, никакие дежурные улыбки не спасали. Приходилось крепко сжимать её в объятиях, без конца шепча ласковые извинения.

Тогда Ихань с горькой усмешкой приговаривала: «Погляди на меня, я же скулю перед тобой как побитый щенок, неужели всё ещё не простила?»

А Хайяо лишь прикусывала губу. В её влажных глазах плясали лукавые искорки. Она нежно брала Ихань за подбородок и шептала голосом, от которого сладко кружилась голова: «Ну-ка, покажи мне своего щенка».

Прошлое и настоящее столкнулись в разуме, со звоном разбиваясь на осколки.

Силы окончательно иссякли, а душу словно выжгли дотла. Сквозь пелену слёз Ихань успела заметить, как Цинь Цинь удовлетворённо кивнула. В тот же миг сознание покинуло её, мир качнулся, и она бессильно завалилась набок.

Она провалилась в бездонную черную пропасть. Выхода не было.

Охваченная паникой, Ихань металась во тьме в поисках бабушки. Сначала она шла быстрым шагом, но вскоре сорвалась на безумный бег.

Бабушка больше всего на свете боялась одиночества. Когда их семья разорилась, она ни единым словом не упрекнула внучку. Лишь повторяла раз за разом: «Главное, что мы живы. Бабушке одиноко без тебя, милая. Пожалуйста, будь рядом, не оставляй меня».

Отчаяние душило её. Обойдя всю эту бесконечную пустоту, она так и не нашла родного человека.

— Бабушка! Бабушка! Бабулечка!..

Ихань проснулась от собственного крика, задыхаясь от слёз.

— Ах, госпожа Жуань, не двигайтесь!

Официальное обращение прозвучало чуждо и дико. Ихань растерянно уставилась на знакомое лицо.

Доктор Чу смотрел на неё со смесью жалости и тревоги:

— Пожалуйста, лежите смирно. Я только что поставил вам капельницу. Вы пролежали без сознания трое суток.

Ихань непонимающе моргнула. Чу Жань был семейным врачом Жуаней. Бабушка наняла его ещё тогда, когда Ихань была совсем ребёнком. Оглядевшись, она поняла, что находится в собственной спальне, на просторной кровати. К тыльной стороне ладони тянулась тонкая пластиковая трубка.

Но когда в комнату вошла Цинь Хайяо и доктор почтительно обратился к ней: «Госпожа Цинь», хрупкая иллюзия домашнего уюта окончательно разлетелась в прах.

Ихань резко села, даже не заметив, как игла капельницы больно вонзилась глубже в вену. Её взгляд, полный ненависти и отчаяния, впился в Цинь Хайяо. Ей вправили челюсть, но сустав ещё плохо слушался, и слова давались с трудом, напоминая скрежет ржавого механизма:

— Бабушка... где моя... где она?

Каждый слог отдавался острой, рвущей болью. Три дня... Она проспала целых три дня! Спина мгновенно взмокла от холодного пота. Страх стиснул её сердце. Ей нужно бежать, найти бабушку, быть рядом с ней!

Хайяо хранила молчание. Она смотрела на Ихань, и в её глазах застыла бездонная, удушающая скорбь.

Жуткая догадка мгновенно пронзила разум. Слезы брызнули из глаз. Ихань рванулась с постели, отбросив одеяло. Штатив капельницы с грохотом повалился, стеклянный флакон разбился вдребезги, а по трубке и пальцам быстро потекла алая кровь.

Доктор Чу вскрикнул от неожиданности. Дверь тут же распахнулась, и несколько дюжих охранников ворвались в спальню, навалившись на Ихань. Но она, подобно раненой львице, продолжала рваться вперёд, пытаясь дотянуться до Хайяо:

— Говори!.. Скажи мне!.. Слышишь?!

Что бы ни случилось, это была её бабушка. И она обязана была узнать правду.

Хайяо сделала судорожный вдох. Каждое слово давалось ей с нечеловеческим трудом:

— Бабушка... её больше нет.

Умерла... Бабушка умерла.

При этих словах мир вокруг Ихань мгновенно замер, превратившись в звенящую пустоту. Разум отключился, не в силах вынести этот удар, и она снова рухнула во тьму небытия.

Огромный мир в один миг опустел. На всей земле у неё больше не осталось ни единой родной души.

Когда она снова пришла в себя, солнце уже клонилось к закату. Доктор Чу тихо сетовал в углу:

— Трое суток ни макового зёрнышка во рту. Так она долго не протянет, одними капельницами сыт не будешь...

В руках Цинь Хайяо была пиала с тёплой рисовой кашей. Помедлив, она зачерпнула немного ложкой и поднесла к искусанным губам Ихань.

Раньше, стоило Ихань захворать, Хайяо точно так же варила для неё кашу. Тогда Ихань капризничала как избалованный ребёнок: «Не хочу кашу, хочу мяса!»

А Хайяо качала головой с мягким укором: «Глупенькая, у тебя же жар. Сейчас тебе нельзя ничего тяжёлого».

Тогда Ихань хитро шурилась: «А если я всё съем, получу награду?»

Хайяо шутливо сердилась: «Ишь чего удумала, госпожа Жуань. Ещё ложки не проглотила, а уже торгуется».

Когда тарелка пустела, Хайяо собиралась унести посуду, но Ихань внезапно перехватывала её за тонкую талию, увлекая обратно на постель: «Я требую свою награду». Хайяо обнимала её за шею, безропотно отдаваясь её неистовой ласке. В глубине её глаз дрожали невысказанные чувства, а нежная кожа в местах поцелуев покрывалась девичьим румянцем.

Ихань пьянела от этого тепла. Цинь Хайяо была для неё сладким ядом — дурманящим опиумом, который заставлял забыть обо всём на свете.

Хайяо погрузилась в воспоминания, когда Ихань медленно разомкнула веки. Она напряглась, боясь новой вспышки ярости, но Ихань даже не шевельнулась. Она лежала безучастно, словно живой труп, невидящим взором уставившись в потолок. Спустя минуту из её груди вырвался глухой шёпот:

— Отвези меня... отвези меня к бабушке.

Хайяо промолчала. Лицо Ихань страшно осунулось, щёки ввалились, а в глазах застыла мёртвая серая пустота.

— Госпожа Цинь, — безразлично проронила Ихань, — если нужно, я могу снова умолять вас на коленях. Словно собака.

Дорога казалась бесконечной. С неба уныло сеял мелкий, промозглый дождь.

Они молча сидели на заднем сиденье. Хайяо не сводила со спутницы грустного взгляда, а Ихань отрешённо смотрела на бегущие по стеклу капли.

Какая злая ирония судьбы. Сяо Хай, её нежная Сяо Хай, превратилась во властную «госпожу Цинь». Её собственный врач, её слуги — все теперь заглядывали Хайяо в рот, готовые исполнить любой приказ. Семейное дело Жуаней, созидавшееся поколениями, за бесценок

перешло к Семье Цинь. А у неё самой не осталось ничего. Совсем ничего.

Свинцовое небо и непрекращающаяся изморось давили на плечи тяжёлым грузом. Хайяо молчала весь путь. Она слишком хорошо знала характер Ихань: прегради она ей дорогу сейчас — и та просто сломается окончательно.

После всего варварства, учинённого Семей Цинь, Ихань почти окаменела. Она готовилась к худшему — думала, что её несчастную бабушку зарыли в какой-нибудь безымянной могиле на окраине города или бросили гнить на пустыре.

Но реальность превзошла все ожидания.

Машина остановилась у края глубокого ущелья. Выйдя под дождь, Ихань с удивлением увидела силуэт Цинь Цинь, стоявшей у самого обрыва со сложенными на груди руками. Хайяо тоже оцепенела от неожиданности — она не думала встретить мать в столь глухом месте.

Чисто инстинктивно она сделала шаг вперёд, заслонив Ихань собой.

Услышав шаги, Цинь Цинь медленно обернулась. Под её глазами поблёскивали следы недавних слёз.

— А, приехали, — негромко бросила она.

В её тоне сквозило пугающее, противоестественное спокойствие.

— Она просто хочет повидаться с бабушкой, — Хайяо изо всех сил старалась удержать голос от дрожи.

Цинь Цинь сама распоряжалась похоронами старой госпожи Жуань, запретив остальным вмешиваться. Дочери было известно лишь то, что могилу вырыли где-то здесь, на вершине.

— Наведаться к старухе?.. — Цинь Цинь медленно перевела взгляд на Ихань.

Если бы не отчаянное желание отыскать бабушку, Ихань прямо сейчас вцепилась бы этой твари в глотку, готовая умереть вместе с ней. Дуаньцзы, почуяв неладное, напрягся и сделал полшага вперёд.

Но Цинь Цинь лишь усмехнулась. Обернувшись к бездне, она указала рукой в серую пустоту ущелья:

— Она там. Внизу.

Сердце Ихань пропустило удар, кровь зашумела в ушах:

— Что... Что вы сделали?!

Цинь Цинь пристально посмотрела ей в глаза, и её губы растянулись в торжествующей улыбке:

— Да. Я сожгла её тело, а прах развеяла по ветру над этой пропастью.

Именно здесь когда-то разбился насмерть её собственный муж. Тридцать долгих лет она вынашивала планы мести, терпя лишения ради этого триумфа. Теперь старая госпожа отправилась вслед за ним. Вся семейка Жуань воссоединилась там, на дне.

С диким, утробным звериным воем Ихань ринулась на неё. Но Дуаньцзы ждал этого — он мгновенно перехватил её поперек туловища и повалил на землю. Она заходилась криком, извивалась всем телом, полностью лишившись рассудка от горя.

Дуаньцзы безжалостно прижал её лицом к раскисшей грязи. Слезы смешивались с чёрной землёй, а из груди Ихань вырывался глухой, нечеловеческий стон.

Хайяо до крови прикусила губу. А дождь над ущельем полил ещё сильнее.

Внезапно темноту прорезали ослепительные лучи фар. Внизу, у подножия холма, мягко затормозил автомобиль. Из салона вышел высокий мужчина в строгом костюме. Раскрыв зонт, он поспешил наверх и приобнял Хайяо за плечи, укрывая от непогоды:

— Ну что же ты, Сяо Хай? На улице ливень, а ты без зонта. У нас на следующей неделе примерка свадебного платья, тебе ни в коем случае нельзя простужаться.

Этот вкрадчивый, нежно-укоризненный голос заставил Ихань приподнять голову и сквозь грязь посмотреть на Хайяо.

Чжэн И... Так вот кто её жених. Её старый, некогда близкий друг. Какая потрясающая издёвка.

— Отпусти её, — скомандовала Цинь Цинь.

Дуаньцзы тут же убрал руку. Женщина сделала несколько шагов вперёд и посмотрела на лежащую у её ног девчонку:

— Ихань, старая карга мертва. Счёт между нашими семьями оплачен. Жизнь я тебе сохраняю.

Ихань с трудом приподнялась. Кровь из глубоких ссадин капала на промокшую землю.

— Сохраните жизнь?... Чтобы я ползала у ваших ног как побитый пёс?

— А как иначе? — ласково улыбнулась Цинь Цинь, точь-в-точь как в те годы, когда притворялась любящей тётушкой. — Не забывай, что твоя верная А-Ли всё ещё «гостит» в моём особняке.

А-Ли...

Сердце Ихань болезненно сжалось. Она уставилась на Цинь Цинь, а та продолжала мягко, тепло улыбаться, словно искренне желала ей добра.

Заметив в глазах Ихань пугающую решимость, Хайяо рванулась к ней, но Чжэн И крепко перехватил её за запястье. В его глазах на мгновение промелькнуло недовольство, но он тут же заставил себя вежливо улыбнуться:

— Ну что вы, госпожа Жуань, вставайте. Не стоит мокнуть под таким ливнем. Поезжайте домой, отдохните. Мы с Хайяо очень надеемся увидеть вас почётной подружкой невесты на нашей свадьбе.

«Подружкой невесты»...

Ихань посмотрела на Хайяо. В её онемевшем теле больше не осталось тепла. Ливень стеной размывал очертания лиц, скрывая эмоции Хайяо. Ихань вдруг рассмеялась — дико, жутко, надрывно:

— Цинь Хайяо...

Та вздрогнула всем телом. Ихань не сводила с неё взгляда:

— Скажи, ты веришь в возмездие?

Потоки воды смывали всё на своём пути, точно так же, как жестокая реальность смыла их былую великую любовь, оставив лишь леденящую пустоту. Хайяо молча смотрела на Ихань, которая едва держалась на ногах под ударами бури, похожая на безумную.

Медленно, пошатываясь, Ихань поднялась во весь рост и повернулась лицом к ущелью, скрытому грозowymi тучами. Хайяо непроизвольно подалась за ней. В этот миг вся ярость Ихань куда-то испарилась, уступив место пугающему спокойствию. Она тихо произнесла:

— Хайяо... я ведь любила тебя сильнее жизни.

Слёзы безостановочно катились по лицу Хайяо.

— Я была готова отдать ради тебя всё, — прошептала Ихань. — Если бы ты пожелала моей смерти, я сама вложила бы нож в твои руки. Но ты... ты погубила мою бабушку...

Дождевые капли смешивались со слезами, застилая взор. Ихань улыбнулась — так горько и отрешённо, что у присутствующих похолодело внутри:

— Бабушка, я иду... Я не оставлю тебя одну...

С этими словами она повернулась спиной к обрыву и закрыла глаза. Бабушка так боялась одиночества. Ихань обещала никогда её не бросать. Пришло время исполнить обещание.

Она сделала шаг назад, в пустоту.

— Нет!!!

Сквозь истошный крик, рвущийся откуда-то издалека, в гаснущем сознании Ихань замелькали картины прошлого, разворачиваясь в обратном порядке, словно старая киноплёнка:

«Когда-нибудь ты примешь смерть от моих рук».

«С радостью. Главное, чтобы эти руки были твоими».

«Когда всё это закончится, мы уедем далеко-далеко. Заберём бабушку и найдём тихий уголок среди гор и рек... И тогда ты выйдешь за меня».

«Сяо Хай — замечательная девочка, береги её».

«Наша свадьба назначена на следующий месяц».

«Госпожа Цинь, если нужно... я могу снова умолять вас как собака».

«Я сожгла её, а прах развеяла по ветру».

«Я ведь так любила тебя... Если бы ты захотела моей смерти, я сама отдала бы тебе нож».

<http://bllate.org/book/20651/2106386>